

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Павел I

<Фрагмент>

Действие первое

Первая картина

Вахт-парад. Площадь перед Михайловским замком. В глубине — замок и Летний сад. Справа — деревья; караульная будка и шлагбаум, полосатые, в три цвета — красный, черный, белый. Слева — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянную дверь. Раннее зимнее утро. Серое небо. Снег. Вдали слышны барабан и трубы.

Павел; Александр; Константин; Пален, граф, военный губернатор Петербурга; Денрерадович, генерал, командир Семеновского полка; Талызин, генерал, командир Преображенского полка; Яшвиль, князь, капитан гвардии артиллерийского батальона; Мамаев, генерал; Тутолмин, полковник; фельдфебель; солдаты.

Александр и Константин стоят на крыльце, греясь у походной жаровни.

Константин. Зверем был вчера, зверем будет и сегодня.

Александр. Вчера троих засекли кнутом.

Константин. Одних — кнутом, других шпицрутеном. А впрочем, наплевать, все там будем!

Александр. Холодно, холодно, у-у! Рук не согреешь. Намедни генерал Кутузов ухо отморозил, — едва салом оттерли.

Константин. А у немца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосин; сам с утра моет; не высохли да на морозе-то и примерзли; чуть с колеей не отодрали; денщик дерет, а немец орет. Ну, да поделом ему, сволочи; как собака на людей кидается; одному

солдату ус выщипнул с мясом, другого за нос укусил. А впрочем, наплевать...

Александр. Вороны-то в Летнем саду как раскаркались! Верно, к оттепели. Когда ветер с юга и оттепель, батюшка сердится.

Константин. Нынче не от ветра, чай, а от княгини Гагариной. Вчера поссорились.

Александр. У меня письмо от нее к батюшке.

Константин. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будет, отдай. Родинка, родинка — все наше спасение...

Александр. Какая родинка?

Константин. А на правой щеке у княгинюшки. Я думал сперва, мушка; да нет, настоящая родинка, и прехорошенькая...

Александр. Тише, — идет.

Константин. Спрячемся. Авось, не увидит.

Александр (крестясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируют. Входит Павел, махая военного тростью.

Павел. Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! (Останавливаясь.) Смирно-о! Из шеренги в шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!», «Смирно-о!»

Павел. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павел. Строить фронт захождением взводов! Направо кругом марш!

Солдаты маршируют в противоположную сторону. Барабан.

Павел (махая тростью). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! *Павел уходит.*

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король Прусский позавидовал. Ах, черт побери, вот это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть беде...

Александр. А что?

Константин. Аль не заметил, в углу рта жилка играет? Как у него эта жилка заиграет, так быть беде... Я намедни в Лавре кликушу видел — монахи говорят, бесноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упал и забился...

Александр. Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

Константин. Тс-с... Идет.

Входит Павел, окруженный свитой: командиры — Преображенского полка Талызин, Семеновского — Денрадович; артиллерий-

ский полковник, кн. Яшвиль; военный губернатор Петербурга, гр. Пален и другие. Солдаты строятся во фронт.

Павел. Преображенского командира сюда!

Талызин подходит к Павлу.

Павел. Сведал я, сударь, что вашего полка господа офицеры везде разглашают, будто не могут ни в чем угодить. А посему извольте объявить, что легкий способ кончить сие — вовсе их кинуть, предоставляя им всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочет служить, поди прочь — никого не удерживают.

Талызин. Ваше величество...

Павел. Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать. С удивлением усматриваю, что в исправлении должности вашей вы все еще старых обрядов держитесь, кои более четырех лет искоренить стараюсь. Только в передней да пляске обращаться, шаркать по паркету умеете.

Талызин. Государь...

Павел. Молчать! Я из вас потемкинский дух, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда ворон костей не заносил!

Павел с Депрерадовичем, кн. Яшвилем и прочею свитою, кроме Талызина и гр. Палена, уходят.

Пален. За что это вас, генерал?

Талызин. Солдат не в ногу ступил, а у другого расстегнулась пуговица.

Пален. За пуговицу — вот так штука, не угодно ли стакан лафита!*

Талызин. Не служба, а каторга. В отставку — и кончено!

Пален. Да, крутенько, крутенько. А все-таки с отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! Такие люди, как вы, нам теперь нужны особенно. (*На ухо.*) Эта кутерьма долго существовать не может...

Депрерадович вбегает запыхавшись.

Депрерадович. Беда! Беда!

Пален. Что такое?

Депрерадович. В девятой шеренге черт дернул поручика скомандовать вместо «дирекция** направо» — «дирекция налево». И пошло, и пошло. Люди с шагу сбились, ошалели от страха, команды не слушают; командиры, как угорелые, мечутся. А государь только кричит: «В Сибирь!»

* Выражение, означавшее ссылку в Сибирь.

** Направление (фр. *direction*).

Пален. Помните, господа, в прошлом-то году Измайловскому полку скомандовал: «Направо кругом марш — в Сибирь!» Так ведь и пошел весь полк к Московской заставе и дальше по тракту — остановили только у Новгорода. Вот и теперь, пожалуй, — прескверная штука, не угодно ль стакан лафита!

Депрерадович. Пропали, пропали мы все!

Солдаты маршируют. Входит Павел.

Павел. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

Константин (на ухо Александру). Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

Александр (крестясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел. В пятой шеренге фельдфебель — коса не по мерке. За фронт!

Фельдфебеля подводят к Павлу.

Павел. Что у тебя на затылке, дурак?

Фельдфебель (заикаясь). К-коса, ваше величество!

Павел. Врешь! Хвост мышей. Мерку!

Подают палочку для измерения кос. Мерит.

Павел. Вместо девяти вершков — семь. Букли выше середины уха. Пудра сыпалась, войлок торчит. Как же ты с этакой прической во фронт явиться смел, чучело гороховое?

Фельдфебель (заикаясь). П-парихмахер...

Павел. Я тебе покажу, сукин сын, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срывает с фельдфебеля парик и топчет ногами.

Павел. Срам! Срам! Срам! Бить нещадно! Двести... триста... четыреста палок! Генерал Мамаев!

Входит Мамаев.

Павел. Извольте, сударь, следить за экзекуцией. Тут же на месте, без промедления. С вас взыщется.

Уходит. Фельдфебеля ведут в экзерциргауз.

Фельдфебель (падая на колени перед Александром). Ваше высочество, тридцать лет в походах! У светлейшего князя Суворова... На штурме Измаила ранен... И как собаку, палками! Уж лучше расстреляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!..

Александр (закрывая лицо руками). Господи! Господи!

Мамаев (толкая ногой фельдфебеля). Ступай, черт, ступай! (Солдатам.) Ну-ка, ребята, живее!

Солдаты втаскивают фельдфебеля в дверь экзерциргауза. Туда же входит Мамаев.

Александр. А ведь он его заперет, Костя?

Константин. Заперет. Скотина прелюбая. Отца не пожалеет, только бы выслужиться. Ну, где старику четыреста палок выдержать! Да, жаль... А впрочем, наплевать — все там будем... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорей бы отдал? Авось, подобреет.

Александр. Сейчас.

Входит Яшвиль.

Пален. Что с вами, князь?

Яшвиль. По щеке меня...

Пален. Ай, ай! Вот и кровь. Должно быть, зуб вышиб. Примочку бы, а то распухнет. И за что вас так?

Яшвиль. За цвет мундирной подкладки у нижнего чина... Сего тиранства терпеть не можно! Честью клянусь, он мне за это...

Пален. Не говорите-ка лишнего... А я вам лучше вот что скажу: (*отводя Яшвиля в сторону*) подлец — кто говорит, молодец — кто делает!

Депрерадович. Господа, глядите: за Тутолминым с палкою гонится между шеренгами. Точно в пятнашки играют. Сюда бегут.

Полковник Тутолмин вбегает.

Тутолмин. Не выдавайте! Убьет!

Перескакивает через шлагбаум и убегает.

Депрерадович (вдогонку Тутолмину). В манеж беги — на сеновале спрячешься.

Константин. Ну, с Богом, с Богом, Сашенька! Вот он — ступай.

Александр. Не подождать ли, Костя? Видишь, с палкой. Прибьет.

Константин. Экий ты, братец, мямля! Чего зевать? Сколько еще народу перепортит. (*Подталкивая Александра.*) Да ну же. Ступай!

Александр (крестясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел вбегает с поднятою тростью.

Павел. Держи! Держи!

Депрерадович. Кого?

Павел. Тутолмин, сукин сын! Где он?

Депрерадович. Здесь нет, государь!

Павел. Врете! Сюда пробежал. Я сам видел.

Депрерадович. Никак нет, ваше величество!

Александр подходит к Павлу и подает письмо.

Александр. Батюшка...

Павел. К черту!

Александр. От княгини Гагариной...

Павел. Давай.

Павел читает письмо. Депрерадович всходит на крыльцо и становится рядом с Константином.

Константин (крестясь). Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

Депрерадович. Кажись, действует.

Константин. Да, лицо просветлело. Усмехается. Ну, слава Богу, слава Богу! Вывезла родинка... Молодец, Аннушка!

Павел. Monseigneur...*

Александр. Sire? **

Павел. На одно словечко, ваше высочество! Граф фон дер Пален, извольте команду принять. А я сию минуту...

Все уходят, кроме Константина и Депрерадовича. Павел берет Александра под руку.

Павел. Ты имеешь много благородства в сантиментах, Сашенька, — ты меня поймешь... Ах, зачем, зачем так мало знают люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается под сим священным именем...

Отходят.

Депрерадович. А там-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуция...

Константин. Да, воет бедняга, как овца под ножом. Изверг Мамайка, должно быть, с него теперь третью шкуру спускает...

Павел. Анна, Анна! Твой образ везде предо мною. Мое сердце бьется и вечно будет биться для тебя одной. Кто из смертных, кто станет рядом с оною женщиною, несравненною в чувствах моих? Никто из земнородных. Бог и она! Понимаешь, друг мой Сашенька?

Александр. Понимаю, батюшка! Ах, чего бы стоила жизнь человека, если бы любовь не услаждала ее бальзамом своим!

Павел. Вот, вот именно — бальзам...

Отходят.

Константин. Спелись, видно. На эти дела Сашка мастер: ему бы актером быть... А тот-то все воет!

Депрерадович. Просто мочи нет, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

* Ваше высочество (фр.).

** Государь (фр.).

Константин. Нельзя. Батюшка, не дай Бог, увидит, подумает, что мы подслушивали. Теперь мешать ему не надо, пусть наговорится досыта. (*Прислушиваясь*). Как будто затих?.. Нет, опять пуще прежнего. Тьфу, даже слушать противно!.. А впрочем, наплевать — все там будем...

Павел. Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька! Однажды увидел я маленькую фиалку: она стояла подле скалы, покрыта камнями, где ни одна капля росы не освежала ее. И нежная меланхолия обняла мою душу, слеза упала из глаз моих на тот цветочек, и он, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя к Анне...

Барабан. Солдаты маршируют. Входят Пален и прочие командиры. Офицеры на ходу салютуют Павлу эспантонами.

Павел. Молодцы, молодцы! Видишь, Саша, — пробрал их как следует, и подтянулись. Раз-два, раз-два, ноги прямо, носки вон, левой-правой, левой-правой, раз-два! Молодцы! Утешили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павел (махая тростью, напевает).

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник,
Люшеньки-люли!

Константин. Ну, «Ельник» запел — значит выгорело. Только бы теперь Саша не мямлил.

Константин делает знаки Александру за спиной Павла.

Александр. Осмелюсь ли, батюшка?..

Павел. Говори, братец, не бойся.

Александр. Простите, ваше величество, тех, кто сегодня провинился!

Павел. Прощаю.

Александр. И фельдфебеля...

Павел. Всех.

Александр целует руку Павла и отходит к Константину.

Александр. Скорее, Костя!

Константин. Ну, брат, не поздно ли?

Константин входит в дверь экзерциргауза.

Павел. Граф фон дер Пален! Последней экзерцицией я, сударь, весьма доволен: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновных прощаю. (*Командирам.*) А если погорячился, сказал что лишнее, так и вы, господа, меня простите. (*Солдатам.*) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихает.

Павел. Спасибо, ребята!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество!

Павел. По чарке вина, по фунту говядины!

Солдаты. Ура!

Солдаты маршируют. Музыка.

Павел (напевает).

Ельник, мой ельник.

Люшеньки-люли!

Уходит. Из двери экзерциргауза — Константин.

Александр. Ну, что?

Константин. Еле дышит. Фельдшер говорит, до завтра не выживет. Я велел в лазарет.

Александр. Господи! Господи!

Слева, из-за стены экзерциргауза, выносят на походных носилках фельдфебеля, покрытого рогожею; справа маршируют солдаты с музыкой и знаменами.

Солдаты. Ура! Ура!

Пален (командирам, указывая на знамена и носилки). Как в древнем Риме: Ave. Caesar, morituri te salutant*.

Константин. Что ты, Саша?

Александр. Оставь...

Александр опускается на ступеньки крыльца, закрывает лицо руками и плачет.

Константин. Вишь, разнюнился! Экая баба!.. (*Помолчав.*) Ну, перестань, перестань же, миленький Сашенька, голубчик! Не стоит же, право. Наплевать, все там будем!

Александр. Не могу! Не могу! Не могу!

Пален. Поздравляю, господа, с царскою милостью: всех простил.

Яшвиль. Он-то простил, да мы...

Пален. Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вам сказал давеча: подлец — кто говорит, молодец — кто делает.

<...>

* Здравствуй, Цезарь [император], идущие на смерть [гладиаторы] приветствуют тебя! (*лат.*)